



RUSŲ KALBA (GIMTOJI)

I egzamino dalis

Temos ir ištraukos teksto interpretacijai

2009 m. brandos egzaminų pagrindinė sesija

2009 m. gegužės 18 d.

Trukmė – 3 val.

УКАЗАНИЯ:

- Для черновика и чистовика используйте отмеченные школьной печатью листы. Не забудьте записать свою фамилию и тему сочинения на первой странице.
- Ваше сочинение (интерпретация) должно быть объемом не менее 2 страниц формата А4.
- Пишите ясно, разборчиво, ручкой синего цвета. Использовать корректор запрещается.
- Закончив работу, отдайте учителю и чистовик, и черновик. При оценивании черновик не проверяется.

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ

1. О чем грустит А. Чехов? (По комедии «Вишневый сад»)
2. Один день и целая жизнь (по творчеству А. Солженицына)
3. Любовь – преображающая сила (на материале 1–2 произведений русской литературы по выбору учащегося)

ТЕКСТЫ ДЛЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

4. М. Ю. Лермонтов

Герой нашего времени

(отрывок из журнала Печорина)

3-го июня

Я часто себя спрашиваю, зачем я так упорно добиваюсь любви молоденькой девочки, которую обольстить я не хочу и на которой никогда не женюсь? К чему это женское кокетство? Вера меня любит больше, чем княжна Мери будет любить когда-нибудь; если б она мне казалась непобедимой красавицей, то, может быть, я бы завлекся трудностью предприятия... Но ничуть не бывало!

Следовательно, это не та беспокойная потребность любви, которая нас мучит в первые годы молодости, бросает нас от одной женщины к другой, пока мы найдем такую, которая нас терпеть не может: тут начинается наше постоянство – истинная бесконечная страсть, которую математически можно выразить линией, падающей из точки в пространство; секрет этой бесконечности – только в невозможности достигнуть цели, то есть конца. Из чего же я хлопочу? Из зависти к Грушницкому? Бедняжка, он вовсе ее не заслуживает. Или это следствие того скверного, но непобедимого чувства, которое заставляет нас уничтожать сладкие заблуждения ближнего, чтоб иметь мелкое удовольствие сказать ему, когда он в отчаянии будет спрашивать, чему он должен верить: «Мой друг, со мною было то же самое, и ты видишь, однако, я обедаю, ужинаю и сплю преспокойно и, надеюсь, сумею умереть без крика и слез!»

А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца; его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет! Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встречается на пути; я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы. Сам я больше неспособен безумствовать под влиянием страсти; честолюбие у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось в другом виде, ибо честолюбие есть не что иное как жажда власти, а первое мое удовольствие подчинять моей воле все, что меня окружает; возбуждать к себе чувство любви, преданности и страха – не есть ли первый признак и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданий и радостей, не имея на то никакого положительного права, – не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастье? Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, могущественнее всех на свете, я был бы счастлив; если б все меня любили, я в себе нашел бы бесконечные источники любви.

5. Н. В. Гоголь

«Мертвые души»

(отрывок из одиннадцатой главы)

Итак, вот весь налицо герой наш, каков он есть! Но потребуют, может быть, заключительного определения одной чертою: кто же он относительно качеств нравственных? Что он не герой, исполненный совершенств и добродетелей, это видно. Кто же он? Стало быть, подлец? Почему ж подлец, зачем же быть так строгу к другим? Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиогномию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели. Справедливее всего назвать его: хозяин, приобретатель. Приобретение – вина всего; из-за него произвелись дела, которым свет дает название *не очень чистых*. Правда, в таком характере есть уже что-то отталкивающее, и тот же читатель, который на жизненной своей дороге будет дружен с таким человеком, будет водить с ним хлеб-соль и проводить приятно время, станет глядеть на него косо, если он очутится героем драмы или поэмы. Но мудр тот, кто не гнушается никаким характером, но, вперя в него испытующий взгляд, изведывает его до первоначальных причин. Быстро все превращается в человеке; не успеешь оглянуться, как уже вырос внутри страшный червь, самовластно обративший к себе все жизненные соки. И не раз не только широкая страсть, но ничтожная страстишка к чему-нибудь мелкому разрасталась в рожденном на лучшие подвиги, заставляла его позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое. Бесчисленны, как морские пески, человеческие страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. Блажен избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятирится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души. Но есть страсти, которых избранье не от человека. Уже родились они с ним в минуту рожденья его в свет, и не дано ему сил отклониться от них. Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: все равно, в мрачном ли образе, или пронестись светлым явленьем, возрадующим мир, – одинаково вызваны они для неведомого человеком блага. И, может быть, в сем же самом Чичикове страсть, его влекущая, уже не от него, и в холодном его существовании заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес. И еще тайна, почему сей образ предстал в ныне являющейся на свет поэме.

6. Борис Чичибабин¹

С далеких звезд моленьями отозван,
к земле прирос
и с давних пор живет в лесу литовском
Исус Христос.²

Знобят дожди его нагое тело,
тоскуют с ним,
и смуглота его посеверела
от здешних зим.

Его лицо знакомо в каждом доме,
где видят сны,
но тихо стонут нищие ладони
в кору сосны.

Не слыша птиц, не радуясь покою
лесных озер,
он сел на пень и жалобной рукою
щеку подпер...

Я в ту страну лесную и речную
во сне плыву,
но все равно я ветрено ревную
к нему Литву.

Он там сидит на пенышке сосновом
под пенье ос,
и до сих пор никем не арестован
смутьян Христос.

Про черный день в его крестьянской торбе
пяток сельдей.
Душа болит от жалости и скорби
за всех людей.

Ему б – не ложь словесного искусства,
молву б листвы...
Ну как же вы не видели Иисуса
в лесах Литвы?

¹ Борис Чичибабин – русский поэт второй половины XX века. Прошел лагеря, молил у судьбы «тишины и лада». Поэт особо чуток ко всем знакам культуры. Бывал в Литве, посвятил ей несколько стихотворений.

² Деревянные скульптуры с изображением Христа (Христос озабоченный, скорбящий – Рупинтоелис – сидит, подперев голову левой рукой, на голове венок из терний) характерны для литовского культурного пространства.